

ШЕВЧЕНКО Дмитрий Алексеевич,
помощник командира войсковой части 03333 по правовой работе,
капитан юстиции, SPIN-код 2130-2967,
e-mail: Diman_sgap@mail.ru

ПРИЗНАНИЕ УМЕРШИМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, СОВЕРШИВШИХ САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ И РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблема применения института признания безвестно отсутствующим и объявления умершим к военнослужащим, самовольно оставившим часть и в отношении которых возбуждены уголовные дела по статье 337 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Автор анализирует коллизию между гражданско-правовым механизмом, получившим ускоренную реализацию в условиях специальной военной операции, и публично-правовым запретом уклонения от военной службы. На основе анализа конкретных судебных дел выявляются риски легализации уклонения от исполнения воинского долга через органы судебной власти, а также злоупотребления правом со стороны заявителей. Формулируются практические предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в целях недопущения использования гражданско-правовых институтов в противоречии с их назначением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самовольное оставление части, признание умершим военнослужащих, злоупотребление правом, безвестно отсутствующий, специальная военная операция, прекращение уголовного дела, розыск военнослужащего.

SHEVCHENKO Dmitry Alekseevich,
Assistant to the Commander of Military Unit 03333
for Legal Affairs, Captain of Justice.

DECLAIMING DEAD MILITARY PERSONNEL WHO ABANDONED THE UNIT AWAY FROM THE UNIT: LIMITS OF ACCEPTABILITY AND RISKS OF ABUSE OF RIGHTS

ANNOTATION. This article examines the application of the institution of declaring a missing person or dead to military personnel who abdicated from their unit without authorization and against whom criminal cases have been initiated under Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter, the Criminal Code). The author analyzes the conflict between the civil law mechanism, which was expedited in the context of a special military operation, and the public law prohibition on evading military service. Based on an analysis of specific court cases, the risks of legalizing evasion of military service through judicial authorities, as well as abuse of rights by applicants, are identified. Practical proposals are formulated for improving legislation and law enforcement practices to prevent the use of civil law institutions in ways that contradict their intended purpose.

KEY WORDS: unauthorized abandonment, recognition of military personnel as deceased, abuse of rights, missing person, special military operation, termination of criminal proceedings, search for military personnel.

В условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО) институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим приобрел особую социальную и правовую значимость. Тысячи семей, утративших связь с военнослужащими, оказались в ситуации правовой неопределенности, когда отсутствие документального подтверждения гибели или пропажи лица блокировало доступ к мерам социальной поддержки, пенсионному обеспечению и иным выплатам,

предусмотренным законодательством. Реакцией законодателя стало принятие Федерального закона от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»» [3], который существенно сократил сроки признания участников СВО безвестно отсутствующими и объявления их умершими. Так, военнослужащий или иной участник СВО может быть признан безвестно отсутствующим, если в течение шести месяцев в месте

его жительства нет сведений о месте его пребывания; если же он пропал при обстоятельствах, угрожавших смертью, – объявлен умершим также по истечении шести месяцев. Для случаев, когда военнослужащий уже признан безвестно отсутствующим, срок для последующего объявления его умершим сокращён до трёх месяцев. Данные изменения, безусловно, продиктованы гуманными соображениями и направлены на защиту интересов членов семей военнослужащих.

Однако, как показывает правоприменительная практика, ускоренный гражданско-правовой механизм всё чаще вступает в коллизию с публично-правовым запретом уклонения от исполнения обязанностей военной службы.

Сложилась ситуация, при которой военнослужащий, самовольно оставивший часть и объявленный в федеральный розыск по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ [1], спустя полгода может быть по заявлению командира воинской части признан судом безвестно отсутствующим, а ещё через три месяца – объявлен умершим. Внешне безупречная с точки зрения гражданского процесса конструкция при ближайшем рассмотрении обнаруживает фундаментальное противоречие, которое, на наш взгляд, целесообразно сформулировать следующим образом: лицо, которое сознательно скрывается от правоохранительных органов и органов военного управления, фактически получает через судебное решение возможность легализовать свое уклонение от военной службы. Особенно опасной является ситуация, при которой лицо скрывается от исполнения обязанностей, находится в федеральном розыске, однако впоследствии признаётся судом безвестно отсутствующим либо умершим, что влечет прекращение уголовного преследования и возникновение у родственников права на получение социальных выплат. Пока данная проблематика не получила должного освещения в юридической науке, а судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода: одни суды удовлетворяют соответствующие заявления, другие отказывают в их удовлетворении, ссылаясь на наличие в действиях военнослужащего признаков уголовно наказуемого деяния.

Прежде чем перейти к анализу коллизии между гражданским и уголовным законодательством, необходимо четко определить юридическую природу самовольного оставления части и его отличие от тех ситуаций, для урегулирования которых, собственно, и создавался институт признания лица безвестно отсутствующим.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, выражается в самовольном оставлении воинской части или места службы, а равно в неявке в срок без уважительных причин на службу. Данное деяние относится к категории длящихся преступлений, что озна-

чает, что его исходным моментом считается момент, когда военнослужащий покинул часть или место службы, а юридически завершённым оно является с этого же момента, однако фактическое окончание связывается с прибытием военнослужащего в военную комендатуру, военный следственный отдел либо с его задержанием.

Продолжительность отсутствия выступает квалифицирующим признаком и непосредственно влияет на тяжесть назначаемого наказания – от ареста до лишения свободы на срок до десяти лет, а при наличии квалифицирующих обстоятельств – до двенадцати лет.

Принципиально важным для целей настоящего исследования является субъективная сторона данного преступления: оно совершается исключительно с прямым умыслом. Военнослужащий осознает, что противоправно покидает место службы, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения установленного порядка прохождения военной службы и желает этого. Исследование субъективной стороны необходимо для четкого отграничения самовольного оставления части от смежных составов, прежде всего, от дезертирства, ключевым отличием которого выступает цель – при самовольном оставлении части виновный преследует цель временно уклониться от исполнения обязанностей, тогда как при дезертирстве намерен уклониться от службы полностью. В.С. Пинчук и Д.А. Коротченков в этой связи подчеркивают, что данное преступление имеет сложную юридическую природу, и у правоприменителя нередко возникают затруднения, связанные с правильной квалификацией – основным критерием здесь выступает срок отсутствия вне расположения части [8, с.59-60]. Е.А. Бодрова, детально анализируя отграничение самовольного оставления части от смежных составов, также указывает, что одним из главных признаков данного деяния является временной характер уклонения, что отличает его от дезертирства, где целью выступает полный отказ от несения военной службы [7, с.59].

Важным обстоятельством, исключаящим преступность деяния, может выступать исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ), однако в анализируемых нами ситуациях военнослужащие покидают часть по собственной инициативе, без какого-либо распоряжения командования.

Кроме того, ст. 337 УК РФ содержит примечание, согласно которому военнослужащий, впервые совершивший данное деяние, может быть освобождён от уголовной ответственности, если самовольное оставление части явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств. Верховный Суд РФ разъяснил, что под такими обстоятельствами понимаются объективно существовавшие на момент оставления части неблагоприятные жизненные ситуации личного,

семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военным служащим как негативные. Однако данное примечание не охватывает ситуацию, когда лицо скрывается в течение многих месяцев, не заявляя о себе и не реализуя предоставленную законом возможность явиться в органы военного управления для разрешения возникших обстоятельств.

Принципиальное отличие самовольного оставления части от ситуации, которая может служить основанием для признания лица безвестно отсутствующим, состоит в том, что военный служащий, совершивший самовольное оставление части, действует осознанно и целенаправленно, скрывая своё местонахождение от командования и правоохранительных органов. Он не является «пропавшим» в гражданско-правовом смысле – он является уклоняющимся от службы и скрывающимся от розыска. Безвестное отсутствие как юридическое состояние предполагает объективную неизвестность места пребывания лица для всех заинтересованных субъектов, тогда как в ситуации с самовольным оставлением части местонахождение военного служащего неизвестно командованию и следствию именно потому, что он сам активно этому препятствует.

Федеральный закон № 120-ФЗ, вступивший в силу 15 мая 2023 года, внес в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» статью 23, которая установила особенности применения гражданско-правовых норм о признании безвестно отсутствующим и объявлении умершим к участникам СВО. Данные изменения подлежат применению к правоотношениям, возникшим с 24 февраля 2022 года, если ко дню вступления в силу закона в отношении гражданина не завершено особое производство. Содержательно закон установил два возможных пути:

1) военный служащий может быть признан безвестно отсутствующим, если в течение шести месяцев в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания, в том числе такие сведения не предоставлены членам его семьи командиром воинской части. По истечении трёх месяцев с момента вступления в законную силу решения о признании безвестно отсутствующим этот гражданин может быть объявлен умершим;

2) прямое объявление умершим. в частности, если военный служащий пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определённого несчастного случая, и в течение шести месяцев с момента возникновения таких обстоятельств в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания.

Нетрудно заметить, что законодатель, формулируя данные нормы, исходил из презумпции добросовестности: предполагается, что военный служащий действительно пропал при обстоятельствах, связанных с боевыми действиями, и

его судьба объективно неизвестна. Ни в тексте Федерального закона № 120-ФЗ, ни в тексте Постановления Правительства РФ от 1 сентября 2023 г. № 1421 [4], утвердившего формы справок об обстоятельствах исчезновения гражданина и порядок их выдачи, не содержится каких-либо оговорок относительно ситуаций, когда отсутствие военного служащего связано не с боевыми потерями или пленением, а с совершённым им преступлением – самовольным оставлением части. Данный пробел создаёт основу для многочисленных злоупотреблений, что подтверждается судебной практикой.

Так, рассмотрим дело № 2-1027/2025 Краснокамского межрайонного суда Республики Башкортостан [5], в рамках которого командир войсковой части 12271 обратился в суд с заявлением о признании безвестно отсутствующим ефрейтора Гаврилова А.В., который 18 октября 2024 года самовольно оставил часть в районе населённого пункта Кременная Луганской Народной Республики. Приказом командира военного служащий был признан самовольно оставившим часть, с указанной даты ему прекращены все виды выплат, он исключён из всех видов обеспечения. Территориальным подразделением МВД России военный служащий был объявлен в федеральный розыск. Командование части настаивало на том, что принятые меры по установлению места пребывания военного служащего оказались безуспешными, сведения о его местонахождении отсутствуют более шести месяцев. Однако в ходе судебного разбирательства были получены сведения, имеющие решающее значение для разрешения дела. Согласно ответу ГБУЗ РБ ГБ г. Нефтекамска, Гаврилов А.В. обращался за медицинской помощью 30 августа и 6 сентября 2025 года. Из ответа ОМВД России по Калтасинскому району следовало, что военный служащий несколько раз приезжал в деревню Кокуш, где проживает его тётя, а 8 сентября 2025 года последняя сообщила в полицию, что Гаврилов А.В. приехал к ней и угрожал ей, однако до прибытия сотрудников скрылся. Заместитель прокурора возражал против удовлетворения заявления. Суд, оценив представленные доказательства в совокупности, пришёл к выводу, что в течение последних шести месяцев Гаврилов А.В. обращался за медицинской помощью и был замечен по месту регистрации, в связи с чем отказал в признании его безвестно отсутствующим.

Как видим, в данном случае суд не ограничился формальной констатацией факта отсутствия военного служащего по месту службы в течение шести месяцев, а проверил реальные обстоятельства дела и установил, что А.В. Гаврилов не является «безвестно отсутствующим» в юридическом смысле – его местонахождение хотя и неизвестно командованию и органам розыска, но он сам активно обнаруживает себя в гражданском обороте, обращаясь за медицинской помощью и

контактируя с родственниками.

Более того, его поведение характеризуется признаками продолжаемого преступления, поскольку он не только самовольно оставил часть, но и скрывается от правоохранительных органов, а при попытке задержания вновь скрывается.

Признание такого лица безвестно отсутствующим означало бы создание правовой фикции, прямо противоречащей фактическим обстоятельствам.

Между тем, противоположный подход был реализован Володарским районным судом Нижегородской области по делу № 2-161/2026 [6]. Командир войсковой части 75325 обратился с заявлением о признании безвестно отсутствующим рядового А.Ю. Шубина. Обстоятельства дела существенно отличаются от предыдущего. Так, А.Ю. Шубин, 1974 года рождения, самовольно оставил воинскую часть 31 июля 2023 года. Для участия в СВО он в составе полка не убывал. 21 февраля 2024 года в отношении него возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 337 УК РФ, 8 апреля 2024 года он объявлен в федеральный розыск. Каких-либо сведений о его местонахождении с момента объявления в розыск не поступало, он не обращался за медицинской помощью, не вступал в контакт с родственниками (которые, к слову, у него отсутствуют – он сирота, холост, не имеет детей). Цель обращения командира части – исключение военнослужащего из списков личного состава для последующего формирования штатной численности. Прокурор в данном деле полагал требования подлежащими удовлетворению. Суд удовлетворил заявление.

Сопоставление двух приведённых дел позволяет выявить ключевой критерий, которым должны руководствоваться суды при разрешении подобной категории споров. Если в первом рассмотренном нами случае (дело № 2-1027/2025 Краснокамского межрайонного суда Республики Башкортостан) имелись прямые доказательства отсутствия признаков безвестного отсутствия как юридического состояния и материалы дела свидетельствовали о сознательном сокрытии военнослужащего от органов власти, то во втором судебном деле (дело № 2-161/2026 Володарского районного суда Нижегородской области) местонахождение военнослужащего было неизвестно ни командованию, ни родственникам, ни правоохранительным органам – он действительно исчез, и с момента исчезновения прошло более года. При этом суд разъяснил, что в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина решение о признании его безвестно отсутствующим подлежит отмене.

Между тем, следует акцентировать внимание на то, что даже во втором примере судебной практике возникает закономерный вопрос: не создает ли судебное решение о признании безвестно отсутствующим военнослужащего, в отношении которого возбуждено уголовное дело

по ст. 337 УК РФ, предпосылок для легализации его уклонения от службы? Формально решение Володарского районного суда является законным и обоснованным: сроки соблюдены, сведения о месте пребывания отсутствуют, цель заявления носит организационно-штатный характер и не связана с получением социальных выплат. Однако в иных случаях, где у военнослужащего имеется семья, признание его безвестно отсутствующим неизбежно приводит к рискам злоупотребления правом, при этом механизм такого злоупотребления выглядит следующим образом. Военнослужащий самовольно оставляет часть, скрывается и объявляется в розыск. Командование воинской части, будучи заинтересованным в освобождении штатной единицы и сокращении документооборота, связанного с розыскными мероприятиями, по истечении шести месяцев обращается в суд с заявлением о признании его безвестно отсутствующим. Суд, не располагая (или не запрашивая) сведениями о том, что военнослужащий фактически скрывается и периодически обнаруживает себя, удовлетворяет заявление. Ещё через три месяца военнослужащий может быть объявлен умершим.

Изложенное подводит к ключевому вопросу о том, где проходит граница между добросовестным использованием института признания безвестно отсутствующим (объявления умершим) и злоупотреблением правом применительно к военнослужащим, совершившим самовольное оставление части. Представляется, что обращение командира воинской части в суд с заявлением о признании безвестно отсутствующим военнослужащего, о котором достоверно известно, что он самовольно оставил часть и скрывается от розыска, а не пропал при обстоятельствах, связанных с боевыми действиями, в ряде случаев может квалифицироваться как злоупотребление правом. Особенно явно это проявляется тогда, когда целью обращения является не защита интересов самого военнослужащего или членов его семьи, а исключительно освобождение штатной единицы и прекращение розыскных мероприятий. С другой стороны, нельзя полностью исключать применение данного института и к военнослужащим, совершившим самовольное оставление части. Отсюда можно сделать закономерный вывод о том, что критерием допустимости признания безвестно отсутствующим военнослужащего, совершившего самовольное оставление части, должен выступать не формальный факт возбуждения в отношении него уголовного дела по ст. 337 УК РФ, а совокупность обстоятельств, свидетельствующих о действительном, а не мнимом характере его безвестного отсутствия.

Полагаем, что к числу таких обстоятельств целесообразно отнести:

- отсутствие сведений о том, что военнослужащий жив и сознательно скрывается (в частно-

сти, отсутствие обращений за медицинской помощью, пересечений государственной границы, контактов с родственниками и иными лицами, совершения гражданско-правовых сделок),

- наличие у заявителя правовой цели, не связанной с созданием искусственных оснований для получения третьими лицами социальных выплат.

Полагаем, что выявленные в ходе исследования проблемы требуют комплексного решения, включающего как законодательные, так и правоприменительные меры. Так, на законодательном уровне предлагается дополнить статью 23 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» положением, прямо исключающим возможность признания безвестно отсутствующим или объявления умершим военнослужащего, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ст. 337 или ст. 338 УК РФ (либо осужденного за данные преступления), если в материалах дела отсутствуют достоверные сведения, позволяющие предполагать его гибель при обстоятельствах, не связанных с совершением им преступления. Данное ограничение может быть преодолено, если заявителем представлены доказательства того, что военнослужащий, первоначально самовольно оставивший часть, впоследствии пропал при обстоятельствах, объективно угрожавших его жизни (например, попал в зону боевых действий, был захвачен в плен, стал жертвой преступления). Однако бремя доказывания данных обстоятельств должно лежать на заявителе.

Кроме того, целесообразно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) [2] нормой, согласно которой признание обвиняемого безвестно отсутствующим или объявление его умершим в порядке гражданского судопроизводства не является основанием для прекращения уголовного дела, если имеются достаточные данные полагать, что обвиняемый скрывается от следствия и суда. Приостановление производства по делу в связи с розыском обвиняемого и прекращение дела в связи с его смертью – это два принципиально разных основания, и их смешение недопустимо.

Также видится целесообразным выработать единообразный подход к рассмотрению дел данной категории. Судам при рассмотрении заявлений о признании безвестно отсутствующими

военнослужащих, в отношении которых имеется информация о возбуждении уголовного дела по ст. 337 УК РФ, следует в обязательном порядке истребовать из воинской части и органов военного следствия полную информацию об обстоятельствах исчезновения военнослужащего, включая копии материалов розыскного дела и сведения о том, поступала ли от разыскиваемого информация после объявления его в розыск (обращения за медицинской помощью, пересечение границы, совершение сделок, привлечение к административной ответственности и т.п.).

Прокурору, участвующему в рассмотрении дел данной категории, следует давать мотивированное заключение с учетом всей совокупности установленных обстоятельств, а не ограничиваться формальной констатацией соблюдения сроков.

В сфере межведомственного взаимодействия следует наладить оперативный обмен информацией между командованием воинских частей, органами военного следствия, органами внутренних дел и судами. В настоящее время нередки ситуации, когда командование части, обращаясь в суд, не располагает (или делает вид, что не располагает) сведениями о фактическом обнаружении военнослужащим себя, поскольку соответствующие данные аккумулируются в органах внутренних дел и не передаются в воинскую часть. Создание единой информационной базы, содержащей актуальные сведения о всех военнослужащих, в отношении которых возбуждены соответствующие дела, позволило бы судам оперативно получать полную информацию и принимать обоснованные решения.

В случаях, когда установлено, что военнослужащий, признанный безвестно отсутствующим или умершим, фактически жив и сознательно скрывался, а полученные членами его семьи социальные выплаты расходовались в его интересах, необходимо ставить вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности за мошенничество при получении выплат (статья 159.2 УК РФ). Кроме того, сам факт последующего обнаружения военнослужащего живым должен влечь не только отмену судебного решения в порядке статьи 44 ГК РФ, но и служить основанием для привлечения его к уголовной ответственности по совокупности преступлений: за самовольное оставление части и за мошенничество (при доказанности его причастности к получению выплат).

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Федеральный закон от 14.04.2023 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 16. Ст. 2757.

[4] Постановление Правительства РФ от 01.09.2023 № 1421 (ред. от 05.04.2024) «Об утверждении Правил выдачи справки об обстоятельствах исчезновения гражданина и справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина, Правил выдачи справки о смерти гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина, формы справки о смерти гражданина» // *Собрание законодательства РФ*. 2023. № 37. Ст. 6827.

[5] Решение Краснокамского межрайонного суда Республики Башкортостан от 12.11.2025 по делу № 2-1027/2025. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/case/9sis5CAZql6b/> (дата обращения: 21.08.2026).

[6] Решение Володарского районного суда Нижегородской области от 13.03.2026 по делу № 2-161/2026. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-volodarskii-raionnyi-sud-nizhegorodskaya-oblast/> (дата обращения: 21.08.2026).

[7] Бодрова Е.А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2022. № 3. С. 56-65.

[8] Пинчук В.С., Коротченков Д.А. Особенности квалификации деяния, предусмотренного статьей 337 Уголовного кодекса Российской Федерации // *АВБсП*. 2023. №5. С.58-62.

References:

[1] *Criminal Code of the Russian Federation* No. 63-FZ dated June 13, 1996 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.

[2] *Criminal Procedure Code of the Russian Federation* No. 174-FZ dated December 18, 2001 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

[3] Federal Law No. 120-FZ dated April 14, 2023, «On Amendments to the Federal Law ‘On the Enactment of Part One of the Civil Code of the Russian Federation’» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 16. Art. 2757.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1421 dated September 1, 2023 (as amended on April 5, 2024), «On Approving the Rules for Issuing a Certificate Regarding the Circumstances of a Citizen’s Disappearance and a Certificate Regarding the Circumstances of a Citizen’s Disappearance or Probable Death, the Rules for Issuing a Certificate of a Citizen’s Death, and the Forms for Said Certificates» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 37. Art. 6827.

[5] Decision of the Krasnokamsk Inter-district Court of the Republic of Bashkortostan dated November 12, 2025, in Case No. 2-1027/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/case/9sis5CAZql6b/> (accessed: 21.08.2026).

[6] Decision of the Volodarsky District Court of the Nizhny Novgorod Region dated March 13, 2026, in Case No. 2-161/2026. // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-volodarskii-raionnyi-sud-nizhegorodskaya-oblast/> (accessed: 21.08.2026).

[7] Bodrova E.A. Distinguishing unauthorized departure from a military unit or place of service from related criminal offenses // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 3. P. 56–65.

[8] Pinchuk V.S., Korotchenkov D.A. Specifics of classifying the act provided for by Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation // *AVBsP*. 2023. No. 5. P. 58–62.

